

БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя книги по философіи на русскомъ языкѣ.

I.

В. Виндельбандъ, Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія Е. И. Максимовой, В. М. Невъжиной и Н. Н. Платоновой. Подъ редакціей проф. СПб. Универс. А. И. Введенскаго. Томъ I: отъ возрожденія до Канта. СПб. 1902. Стр. XII+464.

„Имя Виндельбанда,—читаемъ въ предисловіи проф. А. И. Введенскаго къ разсматриваемому русскому изданію,—хорошо извѣстно у насъ; но еще далеко не всѣ знаютъ, что его *Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками* во многихъ отношеніяхъ составляетъ наилучшее изъ его произведеній. Западные критики единогласно называютъ ея изложеніе въ высшей степени живымъ и увлекательнымъ, дѣлающимъ ея чтеніе пріятнымъ занятіемъ.... По ясности и изяществу изложенія, соединеннымъ съ строгой научностью, на ряду съ *Исторіей новой философіи* Виндельбанда можно поставить только *Исторію новой философіи* Куно Фишера. Но и отъ него Виндельбандъ отличается нѣкоторыми цѣнными сторонами. Куно Фишеръ имѣетъ въ виду нѣсколько иныя задачи и потому слѣдитъ за связью и взаимными вліяніями философіи съ другими факторами общесоциального процесса не такъ широко, какъ это дѣлаетъ Виндельбандъ, которому удалось составить такую книгу, что

при ея помощи читатель легко объединяетъ свои познанія по исторіи новой философіи съ другими областями исторіи въ одну цѣльную картину историческаго процесса. А такая книга для насъ существенно необходима: очень часто приходится наблюдать, что исторія философіи, исторія литературы, политическая исторія и т. д. размѣщаются въ умѣ, какъ-бы каждая въ особый ящикъ, нисколько не поясняя и не дополняя другъ друга, такъ чтобы изъ всѣхъ нихъ складывался единый образъ историческаго процесса, взятаго въ его цѣломъ..... Кромѣ того, *Исторія новой философіи* Куно Фишера изложена въ 9 объемистыхъ томахъ, такъ что доступна лишь небольшому кругу читателей и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть употребляема, какъ учебникъ при преподаваніи исторіи философіи. Книга - же Виндельбанда составляетъ лишь два тома обычнаго размѣра и по характеру своему одинаково пригодна какъ для большой образованной публики, такъ и для учебныхъ цѣлей. Въ той части предисловія къ первому изданію, которой Виндельбандъ не воспроизводитъ во второмъ, онъ самъ говоритъ, что имѣлъ въ виду изложеніе, составляющее середину между столь обширными сочиненіями, какъ Куно Фишера, и учебниками, которые по своей сжатости не могутъ служить книгой для чтенія.... Издавая это произведеніе Виндельбанда и горячо рекомендуя его, я, конечно, не хочу этимъ сказать, что подписываюсь подъ всѣми его взглядами; но я считалъ бы себя не въ правѣ снабжать редактируемый переводъ полемическими примѣчаніями; а мои разногласія съ Виндельбандомъ нисколько не мѣшаютъ мнѣ считать его книгу необычайно полезной для русскихъ читателей, особенно если они не захотятъ пассивно усваивать выводы и обобщенія Виндельбанда, а станутъ провѣрять каждый изъ нихъ при помощи фактовъ и соображеній, приводимыхъ имъ въ пользу своихъ заключеній. Тогда они и сами замѣтятъ, гдѣ онъ поддается увлеченіямъ, а гдѣ опирается на твердую почву; ибо какъ-бы ни увлекался Виндельбандъ, факты онъ воспроизводитъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ“ (стр. V—VII). Разсматриваемая книга Виндельбанда, по нашему мнѣнію, вполне заслуживаетъ такого отзыва и такой рекомендаціи. Нѣмецкіе профессора философіи, какъ намъ самимъ неоднократно приходилось слышать, нерѣдко упрекаютъ Виндельбанда въ

субъективизмъ и не рекомендуютъ студентамъ по его книгамъ изучать исторію философіи; но если наученіе не предполагаетъ непременно слѣпого довѣрія къ изучаемому содержанию, а должно сопровождаться самостоятельнымъ размышленіемъ надъ прочитаннымъ и критической провѣркой аргументаціи автора и приводимыхъ имъ фактовъ (а такой именно характеръ и должны носить философскія занятія), то субъективизмъ Виндельбанда отнюдь не долженъ никого отвращать отъ чтенія его книгъ, а скорѣе даже, напротивъ, онъ образуетъ благопріятное условіе для поддержанія и изощренія въ читателѣ критической внимательности. Во всякомъ случаѣ, это—болѣе интересное и полезное для учащагося чтеніе, чѣмъ рекомендуемое нѣкоторыми (напр., проф. Штумпфомъ въ Берлинѣ) вмѣсто того чтеніе Исторіи философіи Ибервега-Гейнце (послѣдняя тоже имѣетъ свои безспорныя и ни съ чѣмъ пока не сравнимыя достоинства, только—не для учебныхъ цѣлей). Къ тому же, субъективизмъ Виндельбанда не такъ уже и великъ. Объ искаженіи и замалчиваніи фактовъ или объ извращеніи мыслей того или иного философа, понятно, не можетъ быть и рѣчи. Можно говорить только вмѣстѣ съ самимъ Виндельбандомъ о своеобразномъ „пониманіи всего хода развитія, связующей группировкѣ и критическомъ освѣщеніи философскихъ системъ“ (предисл. къ 1 нѣм. изд., стр. X). Но это обусловливается уже собственными задачами труда и образуетъ скорѣе его заслугу, чѣмъ недостатокъ.

О задачахъ своей книги самъ Виндельбандъ въ предисловіи къ 1 нѣмецкому изданію говоритъ слѣдующее: „Книга эта возникла изъ моихъ занятій методомъ философіи, наведшихъ меня, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ историческаго происхожденія методологическихъ направленій, на вопросъ: многими-ли изъ своихъ возрѣній великія системы обязаны установленнымъ ими методамъ и многими-ли, съ другой стороны, движенію общей культуры и приобрѣтеніямъ остальныхъ наукъ? При этомъ выяснилось, что творческое значеніе философскихъ методовъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, довольно ничтожно“ (стр. IX). Помимо этой собственно научной задачи, онъ имѣлъ въ виду и образовательные интересы „научно мыслящаго, но до сихъ поръ далеко стоявшаго отъ философіи читателя“. Но будучи, такимъ образомъ, по-

пулярной по своему назначенію, книга Виндельбанда отнюдь не стремится къ популяризаціи въ самомъ своемъ изложеніи: „философія, говоритъ онъ, вообще не поддается популяризованію, даже въ такъ называемыхъ обшихъ результатахъ; она повсюду предполагаетъ полную строгость научнаго углубленія“ (тамъ-же). То новое, что даетъ его книга сравнительно съ другими трудами по исторіи философіи, и свой принципиальный взглядъ на сущность философскаго развитія и на вытекающія отсюда методологическія слѣдствія для историка Виндельбандъ излагаетъ въ дальнѣйшихъ словахъ того-же предисловія: „Я не рѣшился-бы, говоритъ онъ, приступить къ обработкѣ своей книги, если-бы не думалъ, что при моемъ изученіи методовъ пришелъ къ нѣкоторымъ точкамъ зрѣнія, которыя еще никогда не были затронуты такъ, какъ здѣсь. Новое изложеніе этого столь энергично изслѣдованнаго предмета лишь въ очень немногихъ и при томъ второстепенныхъ мѣстахъ можетъ надѣяться внести новый свѣтъ въ фактическое содержаніе ученій. Оно, напротивъ, находится въ затруднительномъ положеніи, ибо знаетъ,—изъ примѣра болѣе раннихъ обработокъ и особенно труда Куно Фишера,—что лучшее воспроизведеніе уже существуетъ, и что оно (новое), если только не хочетъ списывать, должно остаться далеко позади. То новое, что я могу надѣяться внести, состоитъ главнымъ образомъ въ пониманіи всего хода развитія, въ связующей группировкѣ и въ критическомъ освѣщеніи системъ. Итакъ я, — отказываясь отъ многихъ соблазновъ, — преслѣдовалъ здѣсь только задачу изобразить общій ходъ скопленій идей даннаго времени, описать, какимъ образомъ они, возникнувъ отчасти въ отдѣльныхъ наукахъ, отчасти въ иныхъ сферахъ культуры, искали свою методическую обработку въ системахъ философіи, и въ этой связи характеризовать положеніе и значеніе отдѣльныхъ ученій. Философскія системы вырастаютъ не съ логической, а съ психологической необходимостью; но онѣ изъясляютъ притязаніе на логическое значеніе. Поэтому онѣ требуютъ одновременно прагматическаго и критическаго, причиннаго и телеологическаго разсмотрѣнія. Ихъ возможно понять и объяснить лишь изъ ассоціаціи идей, которыя въ этомъ случаѣ носятъ не только индивидуальный, но и всемірно-историческій характеръ. И о нихъ

возможно судить лишь по степени, въ какой эти ассоціаціи были въ состояніи подчиниться логическимъ законамъ“ (стр. IX—X). Изложенный взглядъ Виндельбанда на возникновеніе философскихъ системъ намъ представляется нѣсколько крайнимъ и одностороннимъ. Несомнѣнно, дѣло часто обстоитъ именно такъ, какъ представляетъ онъ, но—далеко не всегда. Отрицать „логическую необходимость“ въ развитіи философскихъ системъ мы въ такой - же мѣрѣ не имѣемъ права, какъ, съ другой стороны, и закрывать глаза на порождающую ихъ ихъ культурно - историческую обстановку. Между этими двумя факторами надо признавать извѣстную кооперацію (съ преобладаніемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ то того, то другого), а не провозглашать одинъ изъ нихъ дѣйствительно производящимъ, а другой лишь позднѣе подставляемымъ самими системами. Да и самому Виндельбанду не удалось вполне послѣдовательно провести свой взглядъ. Во многихъ мѣстахъ его Исторія новой философіи приближается къ обычному типу этого рода работъ,—открывающихъ логическіе мотивы въ смѣнѣ философскихъ системъ. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, односторонность никогда не лишаетъ ученые труды ихъ цѣнности. Она должна быть лишь отмѣчена и имѣться въ виду при пользованіи этими трудами; сама-же по себѣ она даже помогаетъ наиболѣе рельефно выдвинуть извѣстныя стороны предмета, что всегда имѣетъ свою немалую научную цѣнность.

Настоящій томъ содержитъ первую часть исторіи новой философіи, обнимающей *до-Кантовскую философію*. Первые девять §§ (стр. 3—47) даютъ, въ качествѣ *введенія* въ исторію новой философіи, обзоръ условій, подготовившихъ возникновеніе послѣдней, и раздѣленіе ея на періоды. Обзоръ этотъ авторъ начинаетъ съ такъ называемой эпохи возрожденія,—справедливо, конечно, оговариваясь при этомъ насчетъ неточности всякихъ опредѣленныхъ хронологическихъ разграниченій въ исторіи умственной жизни ¹⁾. Такъ какъ

¹⁾ „Если уже въ политической исторіи, говорятъ онъ, трудно намѣтить въ потокѣ событій пограничные пункты, которые отдѣляли-бы одинъ періодъ отъ другого, то съ тѣмъ большими трудностями сопряжено такое разграниченіе въ исторіи умственнаго развитія, которое даже въ свои критическіе моменты протекаетъ съ гораздо большей постепенностью. Новое, если оно даже внезапно всплыло на поверхность, всетаки давно

„положительныя направленія, росту и укрѣпленію которыхъ обязано современное мышленіе своимъ возникновеніемъ,“— какъ-бы они ни были разнообразны и далеко не расходились между собою,—всѣ имѣютъ то общее, что „находятся въ живомъ противорѣчій къ схоластикѣ“ (стр. 3), то какъ одно изъ первыхъ условій возникновенія новой философіи, авторъ разсматриваетъ *внутреннее разложенье схоластики* (§ 1, стр. 3—6). Слѣдующее по важности условіе—общій характеръ *культуры* возрожденія (§ 2, стр. 6—9). Затѣмъ идетъ рѣчь о *возобновленіи античной философіи* (§ 3, стр. 9—19), о вліяніи *религіозной реформаціи* (§ 4, стр. 19—21), значеніи *нѣмецкой мистики* (§ 5, стр. 21—26) и *новой философіи права* (§ 6, стр. 26—32), о развитіи *естествознанія* (§ 7, стр. 32—43) и, наконецъ, о значеніи *открытій и изобрѣтеній*, характеризующихъ начало новыхъ вѣковъ (§ 8, стр. 43—46). „Изъ этихъ разнообразныхъ стремленій филологическаго и историческаго, религіознаго, юридическаго и естественно-научнаго движенія Возрожденія, говоритъ авторъ, выросло, развиваясь постепенно въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, современное мышленіе. Всѣ эти направленія продолжали прежде всего развиваться дальше, различнымъ образомъ переплетаясь другъ съ другомъ, пока не нашли своего объединенія въ лицѣ *Канта*, величайшаго изъ новыхъ философовъ“. Въ этомъ онъ находитъ оправданіе для своего дѣленія исторіи новой философіи на *до-кантовскую*, *кантовскую* и *послѣ-кантовскую*. Настоящій томъ, какъ уже упоминалось, содержитъ только первое. Что касается ея (т. е. 1-ой части) частнѣй-

уже прокладывало себѣ дорогу въ глубинѣ, задолго подготовлялось исторіей; и болѣе проникательный наблюдатель впередъ уже проводить въ немъ направляющую силу. Съ другой стороны, силы и созданія умышленной жизни болѣе устойчивы и до извѣстной степени болѣе живучи. чѣмъ высшія учрежденія человѣчества: опровергнутыя мысли много дольше живутъ въ воспомнаніи, нежели разрушенныя государства; и въ духовной области никогда не удается произвести столь быстрые и коренные перевороты, какіе нерѣдко происходятъ въ Исторіи политической. Такимъ образомъ, постепенность перехода, медленное нарожденіе новаго и долго не замирающіе отзвуки стараго препятствуютъ почти повсюду точному хронологическому обозначенію различныхъ эпохъ культуры. Болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, замѣчается это, когда мы пытаемся провести границу между средними вѣками и новымъ временемъ“ (стр. 1).

шаго раздѣленія, то, по словамъ Виндельбанда, „въ ходѣ ея развитія послѣдовательно участвуютъ, смотря по своимъ болѣе общимъ культурнымъ отношеніямъ, различныя націи съ особыми направленіями и стремленіями, — хотя и не вполне независимо другъ отъ друга, почему ихъ и нельзя разграничивать съ абсолютной строгостью; но тѣмъ не менѣе особенности отдѣльныхъ націй обнаруживаются достаточно рѣзко, чтобы служить вѣрной путеводной нитью при разсмотрѣніи и изложеніи этого развитія. Первыми привлекаютъ къ себѣ вниманіе *итальянцы* со своей натурфилософіей, затѣмъ, какъ-бы въ противоположность имъ, *нѣмцы*, у которыхъхъ религіозному моменту принадлежитъ рѣшающее значеніе въ способѣ ихъ философствованія. Совершенно иначе опять выступаютъ *англичане* съ остроумнымъ примѣненіемъ эмпирическихъ методовъ познанія природы; а въ противоположность этому во *Франціи* основывается раціоналистическая философія, получающая свое дальнѣйшее развитіе въ *Нидерландахъ*. Всѣ эти движенія продолжаются приблизительно до конца XVII в., и ихъ общимъ результатомъ слѣдуетъ считать то, что XVIII столѣтіе могло принять гордое имя *Вѣка Просвѣщенія*. Изъ этого Просвѣщенія XVIII в. почти совершенно была исключена Италія въ силу общаго состоянія, вызваннаго въ ней контръ-реформаціей; по крайней мѣрѣ, она не дала ничего оригинальнаго. Руководящая же роль въ философіи Просвѣщенія принадлежитъ англичанамъ, отъ которыхъ она перешла къ французамъ, тогда какъ Германія лишь нѣсколько позднѣе была призвана принять въ себя мысли двухъ великихъ западныхъ націй и переработать ихъ собственными силами“. Соответственно такому представленію дѣла, исторію до-кантовскоѣ философіи Виндельбандъ дѣлитъ на слѣдующіе семь отдѣловъ:

- I. Итальянская натурфилософія.
- II. Германская философія въ вѣкъ реформаціи.
- III. Англійскій эмпиризмъ.
- IV. Раціонализмъ во Франціи и Нидерландахъ.
- V. Англійское просвѣщеніе.
- VI. Французское просвѣщеніе.
- VII. Нѣмецкое просвѣщеніе.

(Стр. 46—47).

Каждому изъ этихъ отдѣловъ посвящена особая глава.

Чтобы дать представление объ обилии матеріала, содержащагося въ разсматриваемомъ томѣ, и о размѣрахъ, въ какихъ трактуется каждая изъ затрогиваемыхъ темъ, мы приведемъ перечень содержанія каждой главы. Глава *первая* (Итальянская натурфилософія) состоитъ изъ слѣдующихъ параграфовъ: § 10. Бернардино Телезіо (стр. 49—51); § 11. Франческо Патрици (стр. 51—53); § 12. Джордано Бруно (стр. 53—63); § 13. Томазо Кампанелла (стр. 63—69); § 14. Галилео Галилей (стр. 69—73). Глава *вторая* (Нѣмецкая философія въ вѣкъ Реформаціи): § 15. Реформація и философія (стр. 75—77); § 16. Протестантская школьная философія и ея противники (стр. 77—81); § 17. Мистики (стр. 81—85); § 18. Валентинъ Вейгель (стр. 85—87); § 19. Яковъ Беме (стр. 87—98).—Глава *третья* (Англійскій эмпиризмъ): § 20. Гносеологическій характеръ новой философіи (стр. 100—102); § 21. Фрэнсисъ Бэконъ (стр. 102—115); § 22. Томасъ Гоббесъ (стр. 116—126).—*Четвертая* глава (Раціонализмъ во Франціи и въ Нидерландахъ): § 23. Франція послѣ реформаціи (стр. 128—130); § 24. Рене Декартъ (стр. 130—151); § 25. Картезианцы и окказионалисты (стр. 151—156); § 26. Барухъ Спиноза (стр. 156—186); § 27. Николай Мальбраншъ (стр. 186—193).—*Пятая* глава (Англійское просвѣщеніе): § 28. Джонъ Локкъ (стр. 196—213); § 29. Философія нравственности (стр. 213—223); § 30. Деизмъ (стр. 223—232); § 31. Механическая натурфилософія (стр. 232—241); § 32. Ассоціаціонная психологія (стр. 241—246); § 33. Спиритуализмъ Беркли (стр. 246—256); § 34. Давидъ Юмъ (стр. 256—276); § 35. Шотландская философія (стр. 276—282).—*Шестая* глава (Французское просвѣщеніе): § 36. Мистицизмъ (стр. 285—288); § 37. Скептицизмъ (стр. 289—295); § 38. Механическая натурфилософія (стр. 295—298); § 39. Вольтеровская философія деистическаго просвѣщенія (стр. 298—304); § 40. Натурализмъ (стр. 304—309); § 41. Матеріализмъ (стр. 309—315); § 42. Сенсуализмъ (стр. 315—320); § 43. Философія нравственности, права и общества (стр. 321—325); § 44. Энциклопедисты (стр. 325—332); § 45. *Système de la nature* (стр. 332—337); § 46. Жанъ Жакъ Руссо (стр. 337—346).—*Седьмая* глава (Нѣмецкое просвѣщеніе): § 47. Германія въ XVII столѣтіи (стр. 348—352); § 48. Лейбницъ (стр. 352—391); § 49. Чирнгаузенъ и Томазіи (стр. 391—398); § 50. Вольфъ и его

школа (стр. 398—416); § 51. Деизмъ (стр. 416—421); § 52. Лессингъ (стр. 421—429); § 53. Эклектическіе методологи (стр. 429—439); § 54. Эмпирическая психологія (стр. 440—449); § 55. Популярная философія (стр. 449—456); § 56. Гаманъ и Гердеръ (стр. 456—462).

Уже изъ этого простого перечня содержанія видно, какой обстоятельный трудъ представляетъ настоящая книга Виндельбанда. Въ ней не только не опущено что-либо существенное, но и явленіямъ сравнительно второстепеннымъ удѣлено не мало вниманія. Въ своемъ изложеніи авторъ умѣетъ очень наглядно показать особенности своего толкованія тѣхъ или иныхъ философскихъ системъ сравнительно съ другими. Его толкованія почти всегда убѣдительны и, во всякомъ случаѣ, весьма поучительны. Если къ этому прибавить, что пишетъ Виндельбандъ легко и красиво, то можно, не колеблясь сказать, что его книгу могутъ съ пользою и удовольствіемъ читать и специалисты и любители.

Что касается собственно перевода, то въ общемъ онъ очень недурень. Нѣмецкая фраза въ большинствѣ случаевъ передается по-русски вѣрно и складно. Но изрѣдка встрѣчаются и промахи, не особенно, впрочемъ, грубые. Такъ, напр., переводчица на стр. 16 пишетъ „гуманическихъ“ вмѣсто „гуманистическихъ“. На стр. 22 фраза: „hinweg mit dem Formelkram der Gelehrsamkeit!“ переведена и неправильно, и стилистически неуклюже: „долой съ внѣшнимъ хламомъ учености!“ На стр. 239 встрѣчаемся съ переводомъ и неточнымъ и даже въ концѣ довольно бессмысленнымъ: „машина—тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ точнѣе она, будучи пущена въ ходъ, порождаетъ цѣлесообразныя дѣйствія, ради которыхъ была построена, исключительно заключающейся въ ней механической двигательной силы (... um so vollkommener, je sicherer sie, einmal in Bewegung, lediglich durch die ihr innewohnende Triebkraft die zweckmässigen Wirkungen erzeugt, um deren willen sie gebaut wurde“). На стр. 186 „Oratorium“ лучше-бы по-русски перевести женскимъ именемъ „ораторія“, а не мужскимъ „ораторій“. На стр. 199 „dies Princip seiner Untersuchungen lässt sich dahin ausgesprochen, dass u. s. w.“ переведено: „принципъ его изслѣдованій можетъ быть высказанъ въ томъ, что и т. д.“ Стр. 227—неправильно измѣнена транскрипція подлинника („esoterische“ = „исотерическое“). „Nicht

ohne bewusstem Gegensatz“ переводится— „какъ-бы сознательно противопологая“ (стр. 12). Подобныхъ промаховъ можно-бы привести не мало; но они, повторяемъ, несущественны.

II.

Виндельбандъ, Исторія древней философіи съ приложеніемъ исторіи философіи среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія. Переводъ слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго. 3-е изданіе. СПб. 1902. Стр. XVI+404.

Второе изданіе „Исторіи древней философіи“ Виндельбанда, вышедшее въ 1898 году, разошлось менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ. Успѣхъ для серьезной книги — очень большой. И она этого успѣха, несомнѣнно, заслуживаетъ. Обѣ обоихъ первыхъ изданій въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ въ свое время были помѣщены рецензіи, принадлежащія проф. П. И. Казанскому (на 1-ое изд.) и мнѣ (на 2-ое изд.). Настоящее 3-е изданіе, какъ открывается изъ предисловія (стр. XI), печатано *безъ всякихъ перемѣнъ* сравнительно со вторымъ. Это освобождаетъ насъ отъ обязанности прибавлять что-либо къ сказанному нами въ рецензіи на второе изданіе (см. Богословскій Вѣстникъ“ 1898 г., т. II, стр. 360—381). Не можемъ только не повторить высказаннаго тамъ сожалѣнія по поводу заимствованія въ хорошую книгу отрывка изъ безусловно плохого перевода г. Николаева (Исторія фил. Фулье). Освободить книгу отъ этого нелестнаго для нея элемента, замѣнивъ переводъ Николаева лучшимъ, было совершенно необходимо и не трудно.

III.

В. Иерусалемъ, Введеніе въ философію. Перевелъ съ нѣмецкаго П. О. Некрасовъ. Съ приложеніемъ „Краткаго словаря важнѣйшихъ философскихъ терминовъ“, составленнаго переводчикомъ, и „Литературнаго указателя“. СПб. 1902. Стр. 7+242.

Если Вы, читатель, задумаете приобрести себѣ русскій переводъ какой-либо иностранной книги, то для Васъ весьма

существенно знать двѣ вещи: хороша-ли сама по себѣ книга, и хорошо-ли сдѣланъ ея переводъ? Въ настоящемъ случаѣ, относительно книги Іерузалема не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это очень хорошая книга,—даже болѣе того, одна изъ лучшихъ книгъ въ своей области. Но зато и относительно перевода г. Некрасова тоже не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это очень плохой,—даже болѣе того, никуда не годный переводъ. А сдѣланныя имъ прибавленія только усугубляютъ впечатлѣніе отъ его невѣжества въ философіи. Очень жалѣемъ тѣхъ русскихъ читателей, которые польстившись на самый предметъ и полагаясь на научный авторитетъ имени Іерузалема, уже успѣли приобрести себѣ русскій переводъ его книги. Они, несомнѣнно, испытали или испытаютъ жестокое разочарованіе.

Г. Некрасовъ невѣжественъ въ философіи и слабъ въ знаніи нѣмецкаго языка. Отсюда его переводъ изобилуетъ всевозможными ошибками, иногда даже прямо искажающими смыслъ подлинника, чаще-же состоящими въ неточной его передачѣ. Нерѣдко вполне ясная въ подлинникѣ мысль автора становится въ передачѣ г. Некрасова довольно невразумительной. Искажаются иногда до неузнаваемости имена, присоединяются невольно невѣрные поясненія и т. п. Все это дѣлаетъ переводъ прямо невозможнымъ для употребленія.

Указанные недостатки можно найти буквально на каждой страницѣ. Возьмемъ для примѣра безъ всякаго выбора первые попавшіеся параграфы: § 1, § послѣдній (43) и средний (§ 22). Вотъ что мы здѣсь находимъ. „Философія, переводитъ г. Некрасовъ, есть работа мышленія, предпринимаемая съ тѣмъ, чтобы соединить повседневный жизненный опытъ и результаты научнаго изслѣдованія въ единое лишенное противорѣчій міровоззрѣніе и способная удовлетворить потребности пониманія и требованія духа“ (стр. 1, § 1). Въ подлинникѣ читается: *Philosophie ist die Denkarbeit, welche in der Absicht unternommen wird, die tägliche Lebenserfahrung und die Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zu vereinigen, die geeignet ist die Bedürfnisse des Verstandes und die Forderungen des Gemüthes zu befriedigen*“. Философія стремится къ выработкѣ міровоззрѣнія, въ которомъ-бы не было противорѣчій. Это отсутствіе противорѣчій не только не составляетъ како-

го-либо недостатка въ міровоззрѣніи или „лишенія“, но напротивъ есть его достоинство. Поэтому „widerspruchslose Weltanschauung“ слѣдовало перевести „свободное отъ противорѣчій міровоззрѣніе“, а не „лишенное противорѣчій м.“ Придаточное предложение „die geeignet ist u. s. w.“ относится къ имени „Weltanschauung“=„міровоззрѣніе.“ Нѣмецкое слово—женскаго рода, а соотвѣтственное ему русское—средняго. Переводчикъ-же передаетъ: „и способная“, т. е. женскимъ родомъ, вслѣдствіе чего предложение уже перестаетъ относиться къ слову „міровоззрѣніе“, а должно быть относимо къ „работѣ“; а это и не соотвѣтствуетъ нѣмецкому подлиннику, и само по себѣ почти бессмысленно. Потребности разсудка и чувства удовлетворяются *міровоззрѣніемъ*, какъ уже достигнутымъ результатомъ, а не *работой*, только еще преслѣдующей это достиженіе. Наконецъ, и переводъ „Verstandes und des Gemüthes“ не можетъ быть названъ ни правильнымъ, ни вразумительнымъ. „Verstand“ значитъ разсудокъ, а не „пониманіе“. Слово-же „Gemüth“, хотя и можетъ значить „духъ“, но въ противопоставленіи слову „Verstand“ или даже въ простомъ сопоставленіи съ нимъ должно переводиться—„чувство“. Столько ошибокъ и непониманія обнаруживаетъ г. Некрасовъ въ самыхъ-же первыхъ (а по предмету своему весьма важныхъ) строкахъ своего перевода!

Дальше—нисколько не лучше. Сопоставимъ слѣдующее предложение въ переводѣ и въ подлинникѣ:

Переводъ г. Некрасова.

„Философія, которая не захотѣла-бы считаться съ научными данными, отнеслась-бы къ нимъ критически или отрицательно, не нашла-бы въ наше время ни малѣйшаго сочувствія“ (*тамъ же*).

Подлинникъ.

„Eine Philosophie, die den Ergebnissen der wissenschaftlichen Forschungen gleichgiltig gegenüberstände, dieselben meistern oder sich zu ihnen in Widerspruch setzen wollte, würde heute keine Beachtung mehr finden“.

Въ подлинникѣ глаголь „wollte“ дополняется двумя глаголами въ неопр. накл. „meistern“ и „setzen“, а гл. „gegenüberstände“ образуетъ самостоятельное сказуемое. Переводчикъ-же совершенно безъ надобности и съ прямымъ ущербомъ для смысла избралъ для русскаго текста обратную конструкцію, а гл. „wollte“ почему-то переданъ отрицательно. „Meistern“, конечно, значитъ и „относиться критически“; но

это—не самое подходящее въ данномъ случаѣ значеніе:—здѣсь оно создаетъ двусмысленность, а лучше годилось-бы „критиковать“. Въ самомъ дѣлѣ, критичность философіи составляетъ въ настоящее время ея обязательную принадлежность, и именно та философія, которая отказалась-бы отъ критическаго отношенія къ своимъ даннымъ, тѣмъ самымъ подорвала-бы собственный кредитъ; но критическое отношеніе къ точнымъ результатамъ положительныхъ наукъ состоитъ не въ томъ, чтобы ихъ критиковать, а въ томъ, чтобы выяснитъ ихъ апріорныя предположенія (гносеологическая точка зрѣнія) и отмѣтить обусловливаемые ими спекулятивные выводы въ области положительнаго міровоззрѣнія (метафизическая точка зрѣнія);—съ гносеологической точки зрѣнія подобнаго рода критичность проявилъ, напр., Кантъ въ отношеніи къ математикѣ и естествознанію. „Sich in Widerspruch setzen“ (=„становиться въ противорѣчіе“) не было никакой надобности замѣнять синонимическимъ, но не выполнивъ съ нимъ совпадающимъ „относиться отрицательно“. Далѣе, „Ergebnisse“ значитъ „выводы“, „результаты“, но не „данныя“. Наконецъ, и „Beachtung“ не значитъ „сочувствіе“, а—„вниманіе“, „уваженіе“. Опять на протяжении немногихъ строкъ и на той-же страницѣ такъ много ошибокъ!

Въ концѣ этого § переводчикъ безъ надобности извращаетъ логическое отношеніе предложеній въ заключительномъ періодѣ, да и переводъ даетъ невѣрный:

<p>„Хотя вслѣдствіе этого за- дача философіи выходитъ за предѣлы науки, но тѣмъ не менѣе она остается научной (стр. 2).</p>	<p>„Durch diese ergänzende Arbeit des Denkens hört die Philoso- phie zwar nicht auf, wissenschaft- lich zu sein, ihre Aufgabe wächst jedoch über die der Wis- senschaft hinaus“.</p>
---	--

На этой-же страницѣ встрѣчается съ совершенно нерусскимъ выраженіемъ „потребность къ цѣльному міровоззрѣнію“.

Въ § 22 мы опять видимъ, что переводчикъ плохо вла-дѣетъ даже и русскимъ языкомъ, когда пишетъ: „предполагая фактъ познанія за данный“ (стр. 71). Здѣсь-же наталкиваемся и на перлъ вопіющаго философскаго невѣжества: „болѣе энергичную критику познанія,—читаемъ мы нѣсколько строкъ спустя,—находимъ мы у такъ называемыхъ сиріан-

певъ“. Какъ вы полагаете, читатель, что это за „сиріанцы“? Оказывается, что переводчикъ такъ называетъ *киренцевъ*! Надо допустить, что „Sugenaiker“ подлинника не вызвало въ головѣ автора никакого реального представленія;—отъ того и получился такой дикій переводъ; но въ такомъ случаѣ намъ непонятна дерзость автора, берушагося переводить философскую книгу при такомъ отсутствіи элементарныхъ знаній по философіи.

Образчики подобнаго невѣжества въ изобиліи разсѣяны и по другимъ мѣстамъ книги. Такъ, напр., орфики превращены у него въ „орфеиковъ“ (§ 25, стр. 78), а извѣстный Махъ превратился въ двѣ совершенно различныхъ персоны, изъ коихъ одна называется *Махомъ*, а другая *Максомъ* (§ 23, стр. 75) ¹⁾ и мн. др. Но вернемся къ намѣченнымъ нами параграфамъ.

Въ послѣднемъ § (мы можемъ удовольствоваться изъ него только началомъ) мы опять на каждомъ шагу встрѣчаемся съ ошибками въ указанномъ родѣ.

„Задачи воспитанія... въ высшей степени важны,... такъ что“...

„Цѣль воспитанія можетъ быть опредѣлена главнымъ образомъ этикой и социологіей“.

„Логическая выдержка“..

„Однако спеціальная работа воспитателя и учителя никогда не можетъ быть усвоена изученіемъ философіи“.

(Стр. 176).

„Die Aufgabe der Erziehung... ist eine so wichtige,... dass“

„Ziel und Zweck der Erziehung kann in letzter Linie von der Ethik und Sociologie bestimmt werden“...

„Psychologische Schulung“...

„Für die Ausbildung des Erziehers genügt aber die philosophische Grundlegung der Pädagogik durchaus nicht“.

Здѣсь опять—и неточности, и искаженіе мыслей подлинника, и непониманіе его, и даже неумѣнье прочесть пра-

¹⁾ Поводъ къ такому раздвоенію личности Маха дало переводчику его неумѣніе понять, что „Machs“—род. пад. отъ имени „Mach“. Нѣмецкую фразу: „Wenn nun, wie *Kirchhof* und *Mach* wollen, die Wissenschaft nur die Aufgabe hat, die Tatsachen zu beschreiben, und nach *Machs* Formulierung nichts anderes ist u. s. w.“ онъ передаетъ: „Если какъ хотятъ *Кирхгофъ* и *Махъ*, наука имѣетъ своей задачей описаніе фактовъ, а по формулировкѣ *Маха* (*Machs*) является ничѣмъ инымъ и т. д.“

вильно. И можно сказать, что какую-бы страницу мы ни раскрыли, вездѣ найдемъ то-же самое.

Между тѣмъ самъ г. Некрасовъ очень настойчиво рекомендуетъ свою русскую книгу публикѣ, стараясь подкупить послѣднюю лестнымъ отзывомъ знаменитаго *Вундта... о книгѣ Іерузалема*. Отзывъ этотъ онъ помѣщаетъ въ эпиграфѣ къ своему переводу. „Прежде чѣмъ приступить къ переводу книги Іерузалема,—пишетъ въ своемъ предисловіи переводчикъ,—я обратился къ Лейпцигскому профессору В. Вундту, прося его дать свой отзывъ о данномъ произведеніи и получилъ вышеприведенный,—въ видѣ эпиграфа,—отвѣтъ, который въ переводѣ значить: *Введеніе въ философію В. Іерузалема я считаю за очень полезное произведеніе, которое по ясности и краткости изложенія очень подходяще для перевода*. Смѣю думать, что такой благосклонный отзывъ знаменитаго современнаго философа служить достаточной гарантіей доброкачественности книги“ (стр. IV). Совершенно вѣрно, г. Некрасовъ! Но что служить „гарантіей доброкачественности“ Вашего перевода этой „доброкачественной“ книги? Не рассчитываете-ли Вы, что простодушный читатель отнесетъ отзывъ Вундта и къ качествамъ Вашего перевода? Любопытно бы знать, нашлись-ли такіе простаки...

Въ качествѣ приложеній къ своей книгѣ г. Некрасовъ даетъ „Краткій словарь важнѣйшихъ философскихъ терминовъ“ и „Литературный указатель“. Послѣдній составленъ по библиографическимъ указаніямъ г. Колубовскаго къ книгѣ Кюльпе и введенъ взамѣнъ опущенныхъ переводчикомъ литературныхъ указаній самого Іерузалема;—пріемъ довольно безцеремонный и не заслуживающій никакого одобренія. Что-же касается „словаря“, то за него русская читающая публика могла-бы быть г. Некрасову только благодарна (потому что въ такомъ словарѣ дѣйствительно теперь ощущается большая нужда, особенно людьми, не знающими иностранныхъ языковъ), но, разумѣется,—при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы словарь былъ составленъ съ знаніемъ дѣла и толково. Но это-то именно условіе совершенно отсутствуетъ. Невѣжество переводчика сказалось здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Онъ увѣряетъ въ предисловіи, что при составленіи своего словаря пользовался книгой *Eisler'a: „Wörterbuch der philosophischen Begriffe und Ausdrücke“* (изд. 1899 г.)

(стр. VII). Словарь Эйслера принадлежит къ числу лучшихъ изданій этого рода; но что состряпалъ на основаніи его г. Некрасовъ, это не поддается даже описанію. У Эйслера обыкновенно дается сначала краткое положительное опредѣленіе извѣстнаго понятія, построенное, по возможности, такъ, чтобы оно не исключало ни одного изъ исторически извѣстныхъ опредѣленій, принадлежащихъ тому или иному философу;—вслѣдствіе этого опредѣленіе по необходимости дается въ самомъ общемъ видѣ; а затѣмъ слѣдуютъ опредѣленія и разъясненія этого понятія у разныхъ философовъ (въ большинствѣ случаевъ приводимыя въ формѣ буквальныхъ выдержекъ изъ ихъ сочиненій). Нашъ-же составитель чаще всего беретъ это общее Эйслерово опредѣленіе и отбрасываетъ всѣ примѣры, вслѣдствіе чего мало знакомый съ философскою терминологіей читатель (а для такихъ именно „словарь“ и предназначается) оказывается во многихъ случаяхъ не въ состояніи что-либо уяснить себѣ справкой съ „словаремъ“, а еще чаще испытываетъ впечатлѣніе, какъ будто съ его здравымъ смысломъ продѣлываютъ какую-то дурную шутку. Иногда-же г. Некрасовъ, напротивъ, выхватываетъ только опредѣленіе одного какого-либо философа, оставляя читателя въ недоумѣніи,—мыслили-ли и другіе философы такъ-же (въ такомъ случаѣ, зачѣмъ эта цитация), или это только частное мнѣніе даннаго философа (тогда интересно-бы знать, какъ мыслили другіе или какъ надо мыслить). Если ко всему этому прибавить напоминаніе о замѣчательномъ переводческомъ талантѣ г. Некрасова, то легко себѣ вообразить, что за полезное пособіе преподнесъ онъ въ своемъ словарѣ русской читающей и учащейся публикѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго.

„Альтернатива—сужденіе, которое предлагаетъ нѣсколько рѣшеній (S есть P₁ или P₂; или-же S есть P или не P)“ (стр. 215). Нѣтъ нужды разъяснять вздорность этого опредѣленія, выдающаго совершенное незнакомство автора съ логической терминологіей. У Эйслера прямо искомаго опредѣленія онъ не нашелъ и потому смастерилъ его самъ по плохо понятому имъ образцу Эйслеровскаго опредѣленія: „*Alternative Urteile*. sind solche Urteile, die miteinander vertauscht werden können, ohne dass der Sinn des Beurteilten verändert wird; oder auch disjunc-

tive Urteile in der Form: *S ist entweder P₁ oder P₂ oder S ist entweder P oder nicht P*“ (S. 27).

„Анализъ—всякое разложене предмета, понятія или сложнаго содержанія сознанія на ихъ составныя части“ (стр. 215). По этому опредѣленію,—мы увѣрены,—читатель не составитъ себѣ понятія объ анализѣ. Подъ него подойдетъ и естественный процессъ разложенія или гніенія органическихъ веществъ, и разрушеніе (ломка) какого-либо архитектурнаго сооруженія и мн. др.;—въ данномъ случаѣ все зависитъ отъ двусмысленности слова „разложене“, для избѣжанія которой слѣдовало прибавить, что анализъ есть приемъ изслѣдованія. Нѣмецкое „Zerlegung“ такой двусмысленности не порождаетъ. Далѣе, г. Некрасовъ сократилъ Эйслерово опредѣленіе, передавъ „insbesondere eines Begriffes“ просто „понятія“ и опустивъ въ концѣ заключенное въ скобки указаніе на виды анализа въ философіи: „logische, psychologische Analyse“ Перваго рода сокращеніе слило въ одно даваемая Эйслеромъ, собственно говоря, два опредѣленія,—одно самое общее подходящее не только къ философскому анализу, но и ко всякому другому, напр., химическому, и другое болѣе специальное, имѣющее въ виду анализъ философскій. Такого рода слияніе только запутываетъ пониманіе. Второе сокращеніе тоже не облегчило пониманія, а скорѣе затруднило, предоставляя читателю самому догадываться, въ какихъ изслѣдованіяхъ практикуется разложене понятія и содержанія сознанія, и одинъ-ли и тотъ же это анализъ или два разныхъ. Но и при болѣе вѣрной передачѣ нѣмецкаго текста, не слѣдовало ограничиваться только началомъ Эслера артикля „Analyse“, а надо было привести и дальнѣйшія разъясненія и разграниченія этого важнаго понятія.

„Аналогія—совершенное сходство двухъ отношеній между совершенно несходными вещами (Кантъ)“ (тамъ-же). Почему изъ приводимыхъ у Э. опредѣленій нашъ авторъ выбралъ именно Кантовское, способное неспециалисту показаться только игрой словъ, но ничего ему не объяснить, остается неизвѣстнымъ.

„*A priori*—все, что дано до опыта, само собой вытекаетъ изъ разума“ (стр. 217). Многосмысленное и имѣвшее длинную исторію понятіе *a priori* г. Н. думаетъ разъяснить одной этой, въ сущности дающей невѣрный взглядъ (априор-

ное—не „данное до опыта“, а—независимое отъ опыта) фразой. А выраженіе „само собой вытекаетъ изъ разума“ звучитъ слишкомъ не философски и способно породить недоразумѣнія. Такая легкость въ трактованіи серьезныхъ матерій можетъ „вытекать“ только изъ совершенной неосвѣдомленности съ дѣломъ и непониманія настоящихъ задачъ словаря.

„Дедукція—логическій способъ, при помощи котораго выводится частичное, отдѣльное изъ общаго познанія и на немъ обосновывается. Выведеніе частнаго изъ общаго“ (стр. 220). Со вторымъ опредѣленіемъ дѣло обстоитъ еще довольно благополучно. Но первое — совершенно невразумительно вслѣдствіе неточнаго перевода нѣмецкаго текста. „Das Besondere“ надо было перевести „частное“, „das Einzelne“—„единичное“, „aus allgemeinen Erkenntnissen“—„изъ общихъ познаній“ (мн. ч.) и „durch diese“—„ими“.

„Диалектика—логическій приѣмъ пониманія и оспариванія другого путемъ развитія положеній (*ibid.*)“... Опредѣленіе—совершенно бессмысленно. Оно представляетъ своеобразную передѣлку совершенно непонятаго авторомъ Эйслерова опредѣленія.

„Интуиція—непосредственное схватываніе чего-либо, пониманіе болѣе чувствомъ, чѣмъ разумомъ“ (стр. 224). См. сказанное по поводу предыд. опред.

„Искусство—идеальное продолженіе естественнаго развитія (Геффдингъ) (*ibid.*)“ См. сказанное объ аналогіи.

Не приводя болѣе цѣликомъ даваемыхъ г. Некрасовымъ опредѣленій, замѣтимъ еще, что по нему у Канта въ его таблицѣ 11 категорій, а не 12 (стр. 224—225); Декартъ является „главнымъ защитникомъ“ положенія: Cogito, ergo sum: классификація называется „подраздѣленіемъ“ (*ibid.*): „Gegebensein“ переводится „данную сущность“ (стр. 235) и т. д. и т. д. Но перечислить всѣхъ его ошибокъ (къ нимъ надо причислить и безграмотность нѣкоторыхъ фразъ, напр. на стр. 224) нѣтъ возможности.

Въ заключеніе невольно хочется спросить: на что рассчитано изданіе книгъ подобныхъ разсмотрѣнной?—на пользу русской читающей публики, или только на эксплуатацію ея кармана?...

IV.

Освальдъ Кюльпе, Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій (лекціи, читанныя для народныхъ учителей въ 1901 году въ Вюрцбургѣ). Переводъ съ нѣмецкаго *М. Демберка*. Подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *Н. Н. Ланге*. Изд. кн. скл. *Д. П. Ефимова*. Москва 1903 г. Стр. 137.

Безпристрастную и, на нашъ взглядъ, вполне справедливую оцѣнку настоящей книжки даетъ редакторъ ея русскаго перевода проф. *Н. Н. Ланге*. „Осв. Кюльпе,—читаемъ мы въ его предисловіи,—авторъ сочиненія, предлагаемаго нынѣ вниманію русскоѣ читающей публики, является однимъ изъ наиболѣе близкихъ учениковъ Вундта, былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его ассистентомъ въ Институтѣ Экспериментальной Психологіи въ Лейпцигѣ, нынѣ-же занимаетъ кафедру философіи въ Вюрцбургѣ. Обширная и основательная общенаучная подготовка, вообще характерная для школы Вундта, утонченный экспериментомъ даръ психологической наблюдательности, ясная, дѣльная и точная мысль, наконецъ простота изложенія—вотъ тѣ свойства, благодаря которымъ сочиненія Кюльпе пользуются особеннымъ распространеніемъ и постоянно переводятся на иностранные языки. Книжка *Современная философія въ Германіи* составилаь, какъ указываетъ самъ авторъ, изъ популярныхъ лекцій, читанныхъ имъ учителямъ народныхъ школъ. Этимъ объясняется характеръ изложенія книги, ея размѣры, наконецъ, ея достоинства и недостатки. Изложить вкратцѣ или, лучше сказать, намѣтить самыя общія черты важнѣйшихъ изъ направленій современной философской мысли въ Германіи и дать нѣкоторыя руководящія замѣчанія для ихъ критической оцѣнки—такова была задача, которую поставилъ себѣ Кюльпе. Малая подготовленность слушателей требовала возможно болѣе простаго и доступнаго изложенія, а краткость предоставленнаго времени заставляеть ограничить содержаніе лекцій. Въ этихъ трудныхъ условіяхъ авторъ весьма успѣшно выполнилъ свое дѣло. Прочитавъ внимательно эти немногія десятки страницъ, всякій образованный человѣкъ можетъ получить поня-

тіе о представителяхъ четырехъ важнѣйшихъ теченій современной нѣмецкой философіи: позитивизма (*Махъ* и *Дюрингъ*) материализма (*Геккель*), моральнаго натурализма (*Ницше*) и идеализма (*Фехнеръ*, *Лотце*, *Гартманъ* и *Вундтъ*). Это тѣмъ цѣннѣе, что общія руководства по исторіи философіи обыкновенно не доводятъ свое изложеніе до современныхъ мыслителей или даютъ одни краткіе намеки на ихъ ученія. Въ-стѣ съ тѣмъ, критическія замѣчанія, которыя Кюльпе присоединяетъ къ своему изложенію, всегда интересны и возбуждаютъ мысль, если-бы мы даже и не могли вполне съ ними согласиться“.

То, что составляетъ достоинство книжки Кюльпе, т. е. ея малая величина, обусловливаетъ, съ другой стороны, и ея недостатки. Ограничиваясь характеристикой лишь болѣе или менѣе цѣльныхъ философскихъ системъ, авторъ оставилъ въ сторонѣ описаніе научнаго движенія въ области отдѣльныхъ, такъ сказать, спеціальныхъ философскихъ наукъ: логики и теоріи познанія, психологіи, этики, философіи природы. Хотя это ограниченіе сознательно введено авторомъ, однако справедливо указать, что работы именно въ этихъ спеціальныхъ отрасляхъ особенно цѣнны для современной эпохи, и потому безъ изложенія ихъ нельзя дать полнаго понятія объ успѣхахъ современной философіи. Но если даже строго держаться поставленныхъ авторомъ предѣловъ темы, нѣкоторые пробѣлы изложенія несомнѣнно должны были-бы быть пополнены, а именно введены характеристики эмпириокритицизма *Авенариуса* и имманентной философіи (напр., *Шуппе*)“ (стр. VII—VIII).

Планъ книги очень простой. Четырёмъ изображаемымъ ею направленіямъ современной нѣмецкой философіи посвящены четыре главы (II—V). Имъ, въ качествѣ I-ой главы, предшествуетъ введеніе, гдѣ авторъ говоритъ о своей задачѣ (§ 1, стр. 17 и слѣд.), объ отношеніи философіи къ спеціальнымъ наукамъ (§ 2, стр. 20 сл.) и даетъ общую характеристику четырехъ разсматриваемыхъ имъ направленій— (§ 3). Въ качествѣ VI главы идетъ заключеніе, гдѣ даются выводы изъ предшествующаго анализа названныхъ выше философскихъ системъ (стр. 126—137).

Въ качествѣ существеннаго положительнаго философскаго убѣжденія автора надо отмѣтить по многимъ поводамъ вы-

сказываемую и развиваемую имъ мысль о необходимости тѣсной связи между философіей и наукой, — о томъ, что философія теперь, если не хочетъ стать фантазерствомъ и стоять по цѣнности своихъ утверждений на одномъ уровнѣ съ поэзіей, должна непременно быть *научной*. „Философія должна признать, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ, что ея притязаніе на самостоятельное познаніе дѣйствительности изъ чистаго разума было заблужденіемъ, что нельзя позволять себѣ спекуляцій, замѣняющихъ изслѣдованіе, нельзя позволять себѣ вмѣшательства въ области, которыми еще не вполне овладѣло эмпирическое изслѣдованіе во всемъ своемъ всеоружіи, и такой критики взглядовъ, которой мы не въ состояніи провѣрить.... Современная философія *дополняетъ* спеціальныя науки при помощи теоріи познанія и логики, при помощи метафизики, которая оформливаетъ и углубляетъ выводы спеціальныхъ наукъ, и при помощи изслѣдованій, которыя производятся и проводятся въ духѣ и согласно методамъ спеціальныхъ наукъ. Въ этомъ троякомъ смыслѣ философія въ настоящее время соединяется со спеціальными науками для работы, которая направлена къ общей цѣли познанія“ (стр. 23). „Новый лозунгъ философій, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, гласитъ: не мимо спеціальныхъ наукъ, а чрезъ нихъ. Познанія спеціальныхъ наукъ являются, конечно, лишь осколками, но они въ то-же время являются и камнями, необходимыми для возведенія великаго и обширнаго зданія міровозрѣнія и жизнепониманія, которое въ свою очередь можетъ предложить отдѣльной личности надежное убѣжище и которому можно довѣриться во всякую минуту нужды и опасности“ (стр. 25).

Изъ разсматриваемыхъ имъ философскихъ направленій Кюльпе подробнѣе всего останавливается на идеализмѣ (стр. 76—128) и позитивизмѣ (стр. 30—50). Основаніемъ для этого являются, съ одной стороны, ихъ крупная историческая роль, а съ другой, его убѣжденіе, что они ближе всего подходятъ къ типу научной философій. „Оба эти направленія, говоритъ онъ, занимаютъ главное мѣсто въ современномъ философскомъ движеніи и прекрасно уживаются рядомъ, если оставить въ сторонѣ антиметафизическую тенденцію позитивизма. Оба являются и стремятся быть *научной* философіей, которая относится отрицательно къ произвольной спекуляціи,

покоящейся *исключительно* на свободномъ и чистомъ мышленіи. По нашему мнѣнію, такой научной философіи принадлежитъ будущее. Только она въ состояніи удовлетворить требованіямъ, охарактеризованнымъ нами во вступленіи, расширять свѣтлое царство познанія и усиловать блескъ лучей, разсѣвающихъ мракъ незнанія. Только научной философіи не грозитъ опасность превратиться въ блуждающій огонекъ, только она, осторожно освѣщая намъ путь, не попадетъ сама и не заведетъ насъ на зыбкую почву. Такой философіи служить не тѣмъ, что клянутся авторитетами, не тѣмъ, что почитаютъ главу какой-нибудь школы, но безстрастнымъ изслѣдованіемъ и самостоятельной работой мышленія, стремящейся всѣ, даже самыя счастливыя идеи обратить въ нѣчто еще болѣе цѣнное основательнымъ изслѣдованіемъ и зрѣлымъ размышленіемъ. И мою собственную задачу я видѣлъ не въ томъ, чтобы опредѣлять и сковывать мышленіе моихъ слушателей и читателей, но въ томъ, чтобы ознакомить ихъ съ царящей въ настоящее время живой и заслуживающей вниманія работой въ области философіи и побудить такимъ образомъ къ самостоятельному-же мышленію“ (стр. 129).

Переведена книга вполне удовлетворительно.

Мы очень охотно рекомендуемъ разсмотрѣнное сочиненіе Кюльпе всѣмъ занимающимся философіей, какъ весьма полезное и пріятное чтеніе.

V.

Н. Я. Гротъ, Философія и ея общія задачи. Сборникъ статей подъ редакціей Московскаго психологическаго общества. Съ приложеніемъ портрета—фототипіи автора. С.-Петербургъ. Типографія А. С. Суворина. 1904. Стр. CIV+313

Настоящее изданіе сочиненій покойнаго Николая Яковлевича Грота является осуществленіемъ мысли, явившейся у психологическаго общества вскорѣ послѣ его смерти. Собственно говоря, желаніемъ психологическаго общества было выпустить *полное* собраніе сочиненій покойнаго философа. Оно отъ этого желанія, повидимому, не отказалось и доселѣ. Но,—какъ заявляетъ оно въ предисловіи къ настоящему

сборнику, — „не видя къ тому возможности, оно воспользовалось представившейся возможностью издать, согласно плану самого автора, найденному въ его бумагахъ ¹⁾, хотя бы всѣ разбросанныя по періодическимъ изданіямъ работы Николая Яковлевича, на основаніи которыхъ читатель могъ бы себѣ составить понятіе о послѣдовательномъ развитіи его философской мысли, о пройденномъ имъ умственномъ пути отъ позитивизма—къ идеализму“ (стр. V—VI). Въ настоящій сборникъ вошли слѣдующія работы Н. Я.: 1) *Философскіе этюды* (А. А. Козлова). *Критическій очеркъ* (стр. 1—27). 2) *Философія, какъ вѣтвь искусства* (стр. 27—31). 3) *Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству* (стр. 32—43). 4) *Къ вопросу о критеріяхъ истины. Возможность научнаго оправданія наивнаго реализма* (стр. 43—64). 5) *Къ вопросу о классификаціи наукъ* (стр. 65—122). 6) *Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи* (122—145). 7) *О направленіяхъ и задачахъ моей философіи* (по поводу статьи Архіепископа Никанора) (стр. 46—161). 8) *Значеніе чувства въ познаніяхъ и дѣятельности человека* (стр. 162—187). 9) *Дополненіе къ предыдущей статьѣ* (стр. 187—194). 10) *Что такое метафизика* (стр. 194—211)? 11) *Критическая замѣтка о книгѣ Л. Лопатина* (стр. 212—220). 12) *О времени. Критическое изслѣдованіе* (стр. 220—313). Работы эти, очевидно, образуютъ, по собственному плану Н. Я-ча, первый отдѣлъ его трудовъ. Изъ нихъ наибольшій положительный философскій интересъ представляетъ послѣдняя и самая крупная—„о времени“, направленная главнымъ образомъ противъ Кантовой теоріи времени. Этой своей работѣ Н. Я. придавалъ очень большое значеніе для установки и разрѣшенія истинныхъ задачъ психологін и метафизики. По его мнѣнію „всѣ важнѣйшія недоразумѣнія современной философской мысли зиждутся на непониманіи коренного и ничѣмъ не устранимаго противорѣчія въ ученіи Канта о времени“ (стр. 223). Обширность притязаній автора, въ связи съ солидной научно-критической постановкой и разработкой имъ своей задачи, дѣлаетъ эту работу необходимой для всякаго занимающагося какъ спеціально вопросомъ о времени, такъ

¹⁾ „Н. Я. распредѣлилъ въ немъ свои труды по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Философія (Общія задачи). II. Исторія философіи. III. Психологія. IV. Этика и социологія. V. Статьи на разныя темы“, *Примъ псих. общ.*

и общими вопросами о задачахъ философіи. Прочія помѣщенные въ настоящемъ сборникѣ статьи относятся преимущественно къ положительной и критической установкѣ предмета, задачъ и методовъ философіи. Онѣ,—помимо того историческаго интереса, что знакомятъ съ ходомъ философскаго развитія Грота,—могутъ имѣть немалое и образовательное значеніе. Пережить вмѣстѣ съ высокодаровитой и превосходно образованной личностью весь ходъ ея тревожныхъ исканій истины въ высшей степени поучительно и полезно для всякаго начинающаго философа. Грота характеризуютъ, какъ мыслителя, который „дважды сдѣлался своимъ собственнымъ антиподомъ“: „онъ началъ позитивизмомъ, чтобы перейти къ идеалистической метафизикѣ, и покинулъ метафизику, чтобы отчасти снова возвратиться къ прежнему позитивизму“; такимъ образомъ, „онъ шелъ въ своемъ развитіи не по прямой линіи, а по окружности“ ¹⁾. А чѣмъ-бы онъ кончилъ,—неизвѣстно. Этотъ своеобразный путь можетъ служить нагляднымъ и очень выразительнымъ предостереженіемъ противъ всякой односторонне-догматической переоцѣнки тѣхъ или иныхъ философскихъ направленій. Если возможенъ безъ внутренняго противорѣчія и душевнаго разлада переходъ отъ одного изъ оспаривающихъ другъ друга философскихъ направленій къ другому и обратно (а Гротъ никогда не чувствовалъ такого противорѣчія и разлада), то, значить, сами эти направленія—отнюдь не такія исключительныя и тѣмъ болѣе не окончательныя точки зрѣнія, какими иногда ихъ выставляютъ въ пылу полемики ихъ горячіе приверженцы. Читая Грота, скорѣе и живѣе всего чувствуешь относительность всѣхъ человѣческихъ мнѣній и научаешься цѣнить ту частичную и условную правду, какая, несомнѣнно, есть въ каждомъ изъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія мы особенно горячо рекомендуемъ его сочиненія для чтенія начинающимъ свое философское образованіе. Легкій и изящный языкъ этихъ сочиненій не дастъ имъ почувствовать многихъ трудностей самаго предмета, нерѣдко отпугивающихъ читателей отъ философіи. А если это чтеніе, кромѣ того, за-

¹⁾ Характеристика проф. П. П. Соколова—въ предисловіи настоящему сборнику очеркъ: „Философскіе взгляды и научная дѣятельность Н. Я. Грота“ (стр. LXLVШ).

страхуеть ихъ отъ догматизма, то это будетъ истинно философскимъ приобретіемъ, особенно цѣннымъ при самомъ началѣ занятій философіей.

Разсматриваемому сборнику предпосланы двѣ большія статьи—В. И. Шенрока и П. П. Соколова. Первая содержитъ очень тепло, живо и интересно написанный біографическій очеркъ (стр. IX—LXVI), а вторая,—какъ справедливо говорится въ предисловіи отъ Московскаго психологическаго общества,—„служить лучшимъ введеніемъ къ философскимъ трудамъ Н. Я. Грота и незамѣнимымъ руководствомъ для читателя, помогая ему въ оцѣнкѣ произведеній, относящихся къ различнымъ періодамъ дѣятельности Н. Я-ча, и отражающихъ различныя, измѣнявшіяся его точки зрѣнія“ (стр. LXVII—CIV) ¹⁾.

Издана книга очень хорошо.

Въ заключеніе намъ остается только пожелать, чтобы въ подобномъ-же изданіи появились поскорѣе и остальные труды Н. Я. Грота.

П. Тихомировъ.

¹⁾ Въ болѣе подробномъ видѣ,—въ формѣ критическаго обзора трудовъ Грота,—статья эта была напечатана сначала въ „Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ: „Философскій смиталець. Памяти Н. Я. Грота“ (1899 г. іюнь—іюль, ноябрь—декабрь).